

Как дань минувшим вдохновениям...

В феврале исполнилось бы 84 года лет заслуженной артистке России, лауреату премии имени Г.Саяма Майе ТАГИРОВОЙ.

Пусть дата, как говорится, не круглая, но всё равно хочется рассказать об этой талантливой балерине. Ее имя навеивает воспоминания о «золотом веке» башкирского балета. Майя Тагирова окончила Ленинградское хореографическое училище и танцевала на сцене Башкирского государственного театра оперы и балета с 1949 по 1972 год. Сколько образов создано на сцене! Нет, сколько жизней прожито, сколько судеб поведено зрителям языком классического танца, накалом эмоций, темперамента, сколько радостей и мук принесла такая трудная и такая красивая профессия... Вот лишь некоторые яркие разноплановые образы в балетах русской, зарубежной и национальной классики: Зайтунгуль («Журавлиная песнь»), Галима («Черноликие»), Гульназира, Жизель, Одетта-Одиллия, Мария («Бахчисарайский фонтан»), Джульетта, Никия («Баядерка»), Эсмеральда...

Танец Майи Тагировой незабываем. Она дарила людям радость творчества, ощущение молодости, поэзию балета, публика восхищалась многогранностью ее таланта. Ее искусство – национальное достояние и гордость Республики Башкортостан.

Мягкость в характере Майи Тагировой удивительным образом уживалась с твердостью и строгостью, особенно когда речь заходила о балете. Крепкий профессионал, ученица самой Агриппины Вагановой, она не была снисходительна к лени и небрежности. Сама всегда помнила, что творческая жизнь балерины, увы, коротка, и если не отработаешь сегодня, завтра будет поздно. Она не жалела себя, не танцевала на полупальцах, ибо знала: зритель это заметит и не простит.

Давно-давно, когда я приехала в Уфу, поначалу сильно горевала: как буду жить без ленинградского балета! Но оказалось, что здесь процветает именно ленинградская балетная школа. Ведущие солисты Зайтуна Насретдинова, Халяф Сафиуллин, Гузель Сулейманова, Файзи Саттаров – выпускники знаменитого ЛХУ. Одно из первых ярких впечатлений – «Бахчисарайский фонтан» на сцене Башкирского театра оперы и балета. Зарему танцевала красивая, темпераментная Фирдаус Нафикова, а Марию – лиричная, воздушная, проникновенная Майя Тагирова. Обе тоже окончили ленинградское училище. Через несколько лет судьба распорядилась так, что моей соседкой по дому стала Фирдаус Нафикова. У нее однажды я и познакомилась с Майей Авзаловной. Я уже видела ее в балетах «Журавлиная песнь», «Лебединое озеро», «Эсмеральда»... В общении, помню, покорили ее интеллигентность, утонченность и удивила сдержанность, граничащая с суровостью. Гораздо позже я узнаю подробности этой драматичной судьбы и многое пойму в характере Майи Авзаловны.

Коротким было ее детство, очень мало светлых воспоминаний, но тем дороже они.

...Дома у них был большой стол, на нем – всегда кипящий самовар. Девочка не знала высоких должностей отца (председатель Союза писателей Башкирии, председатель БашЦИКа), но чувствовала, как все кругом его любят и уважают. К нему приходили друзья, единомышленники, они беседовали, спорили за стаканом чая, а Майя сидела под столом, слушала их разговоры, потом вылезала на свет божий и выдавала какую-нибудь реплику. Взрослые бурно восторгались, а отец говорил: «Умница ты моя, да ты, наверное, будешь писателем!» Он заходил в спальню попрощаться с дочкой на ночь. Проснувшись, Майя находила под подушкой какой-нибудь гостинец – конфету, апельсин или игрушку.

Когда ей было шесть лет, отца арестовали прямо на курорте, где он отдыхал с женой, а вскоре расстреляли. Потом «забрали», как тогда говорили, и мать. Майя и старшая сестра оказались в разных детских домах далеко от родных мест. На много лет они были обречены жить с клеймом «дочь врага народа» и в полной мере испытали все последствия. Позже с помощью многочисленных умоляющих писем в самые высокие инстанции сестре удалось добиться перевода Майи в Уфимский детский дом.

Однажды в саду имени Луначарского Майя посмотрела балет «Лебединое озеро» в исполнении московских артистов. Наверное, что-то отложилось на подсознательном уровне, потому что, когда с подружкой пришли в Дом пионеров, та записалась в хор, а Майя – в балетный кружок к Елене Константиновне Войтович.

Бывшая солистка Мариинского театра, яркая личность... Для нее, как и для Анны Ивановны Удальцовой, разглядевшей будущего гения в десятилетнем Рудике Нурееве, Уфа стала местом ссылки в расцвет сталинских репрессий. Для многих артистов башкирского балета Елена Константиновна стала не только профессиональной наставницей, ее, бесконечно добрую и заботливую, называли второй мамой. Майя занималась успешно, хотя часто болела и пропускала уроки. Ее способности были замечены. В 1943 году приехала комиссия Ленинградского училища набирать детей для учебы, и Е.К.Войтович рекомендовала Майю.

Всегда балерина считала ленинградскую пору самой счастливой в своей жизни. Через много лет она узнала, что в училище из Башкирии приходили возмущенные письма: почему, мол, дочь врага народа обучается в таком престижном учебном заведении. К счастью, эти письма попали, видимо, в руки добрых, умных людей и не возымели действия. Два последних года училась у А.Я.Вагановой.

- Мы ужасно боялись ее и любили, - вспоминала Майя Авзаловна. – Ей было уже около семидесяти, но держалась бодро, Удивительно, что во время урока она почти не вставала с кресла, но все видела, делала меткие, хлесткие замечания. Не дай бог повторить ошибку! Бесполезно было оправдываться, просить... Она просто выгоняла из класса. Ее уроки давали много в смысле профессионализма. Она учила распределять силы, правильно дышать, а это так важно в нашей профессии...

После училища в 1949 году Майю Тагирову приглашали в Мариинский театр. Не солисткой, разумеется, но в таком театре и в кордебалете танцевать – большая честь. Юная балерина отказалась, ее тянуло в Уфу.

В театре встретили хорошо, профессиональные танцовщицы были нужны. Ее сразу поставили в четверку журавлей в «Журавлиной», в «Лебедином» - большие лебеди, па-де-труа. И бесконечные двочки, трочки - в «Коппелии», «Красном маке» и др. Уже вошла во вкус, танцевала с упоением. А сначала робела перед сценой, боялась зрительного зала – этой огромной черной дыры. Просила Елену Константиновну (судьба снова свела их!) ставить ее, куда только можно. Прошла все экосезы, полонезы, мазурки, танцевала в операх.

Первую большую роль получила в 1950 году. В театре ставили «Бахчисарайский фонтан» с молодыми исполнителями. Тагировой доверили партию Марии. Как ей хотелось танцевать так, как ее любимая балерина Уланова, которой она восхищалась в Ленинграде... «Ни у кого не было таких выразительных, говорящих ног», - говорила она, утопая в воспоминаниях. Но не сразу у Майи получился образ, который потом волновал и покорял публику. Партнер Василий Чернов сердился: «Ты как рыба! Холодная. Добавь что-то!»

- Хотел меня растопить, - с улыбкой вспоминала Майя Авзаловна. – Он был постарше, опытнее...

И она оттаяла. Созрели чувства, накопился жизненный опыт, пришло актерское мастерство. Балетмейстер Виктор Хансович Пяри увидел в ней драматическое начало и дал партию Хасинты в «Лауренсии». Это подруга главной героини балета. В деревню ворвались солдаты и надругались над ней. Хасинта появляется на свадьбе Лауренсии растерзанная, в разорванном платье, обезумевшая от горя. Майе представилось, что все это произошло с ней. Танец получился страстным, выразительным, а слезы были настоящими. Так было и в других спектаклях. Ее даже прозвали «девушкой со слезой». Правда, Виктор Хансович не одобрял это. «Плакать должна публика, а не ты, - наставлял он. А еще требовал: «Никакого штампа! Всегда ищи в своей партии что-то новое». Это

было как руководство к действию. Очень помогли Зайтуна Насретдинова, Халяф Сафиуллин.

Лучшим своим партнером балерина называла Ильдуса Хабирова. Пятнадцать лет они были мужем и женой. Начали танцевать вместе в 1955 году, а через два года выступили в Москве на Первом всесоюзном конкурсе артистов балета. Она завоевала серебряную медаль, он – бронзовую. Во время знаменитой Декады башкирского искусства в Москве Майя выступила в партиях Хасинты («Лауренсия») и Вожака журавлей («Журавлиная песнь»), была удостоена лестных отзывов в столичной прессе. Именно за эти работы балерина получила звание заслуженной артистки РСФСР.

В то время никто не мыслил себя без общественной работы. Майю неоднократно избирали секретарем комсомольской организации театра, была делегатом XIII съезда комсомола. Ее равнодушие притягивало молодежь. Майя считала своим долгом нести людям культуру, любовь к искусству классического балета.

Потом было еще много ведущих партий. Любимые – Жизель, Джульетта, Никия в «Баядерке». Она всегда считала, что просто повторить чужое нельзя, неудобно. Так ее воспитали, так она чувствовала. Поэтому всегда пыталась по-своему осознать тот же арабеск, поворот, общение с партнером.

Целая эпоха в ее творчестве – работа с композитором Нариманом Сабитовым, особенно в его национальных балетах «Гульназира», «Страна Айгуль», «Люблю тебя жизнь». Майя Авзаловна рассказывала, как удобно, комфортно было танцевать, когда дирижировал Нариман Гилязович. Мелодия ложилась «под ноги», обволакивала сцену. Его меткие замечания помогали лепить сценический образ, заставляли ощутить единство музыки и движения. Она всегда испытывала сильное воздействие творческой энергии композитора, как, впрочем, и другие артисты, и балетмейстер. Она тяжело переживала кончину Наримана Сабитова. Кстати, с легкой руки композитора состоялся литературный дебют Майи: по его просьбе она описала свои впечатления о гастрольной поездке в Индию, и ее заметки были опубликованы в трех номерах газеты «Ленинец». Без него, говорила она, театр опустел, осиротел.

Один из вечеров Седьмого Нуреевского фестиваля был посвящен юбилею Майи Тагировой. Зрители увидели чудом сохранившуюся киноленту «Поэма о платке». Концертный номер был поставлен Ильдусом Хабировым на музыку Н.Сабитова. Плохое техническое качество не помешало увидеть мастерство дуэта Тагирова – Хабиров, высокий эмоциональный накал танца, драматический дар балерины, гармонию музыки и танца.

Майя Тагирова из тех счастливых балерин, которые продлили свою молодость, свое творчество педагогической работой. Когда ее пригласили в ансамбль народного танца имени Файзи Гаскарова педагогом-репетитором, она почувствовала: это ее дело. То, что набрала за годы работы на сцене, не должно погибнуть. Более четверти века занималась она с молодыми гаскаровцами.

Для творческого самовыражения Майе Авзаловне оказалось недостаточно педагогической деятельности. Она поступила на театроведческое отделение московского института театрального искусства (ГИТИС), стала компетентным балетным критиком. Нам в наследство остались ее глубокие, искренние публикации о звездах башкирского балета, молодых исполнителях, премьерных спектаклях, истории театра и балетной труппы.

Позже Майя Тагирова работала художественным руководителем Башкирского хореографического училища имени Р.Нуреева, преподавала там актерское мастерство. Ей нравилось общаться с молодежью. Они совсем другие, говорила она. В чем-то лучше. Технически сильнее, чем танцовщики ее поколения. Но выразительности, чувств не хватает. Прагматичны. И это ее огорчало. Поэтому искренне дарила молодому поколению высокую хореографическую культуру. Повезло тем, кто успел перенять интеллигентность, духовность, богатый профессиональный опыт замечательной башкирской балерины,

педагога, балетного критика и просто душевного, тонкого человека – Майи Авзаловны Тагировой.

Нина ЖИЛЕНКО.